

Елена Красивская

Жди меня там

Елена Красивская

Жди меня там

«Автор»

2026

Красивская Е.

Жди меня там / Е. Красивская — «Автор», 2026

Вера привыкла жить в ожидании. Это стало её новой реальностью, как дыхание или сердцебиение. Она просыпалась — и первая мысль была о нём. Она привыкла ждать мужа со службы. Раньше, до всего этого, она ждала его каждый вечер — с работы, с дежурства, из командировок. И всегда дожидалась. Всегда. Даже когда связь пропадала на неделю. Он всегда возвращался. Её жизнь разделилась на «до» и «после» в тот миг, когда она осталась одна с двумя сыновьями. Она растила их вкладывая всю себя в единственную мечту: чтобы они всегда были рядом, в безопасности. Старший, волею судьбы выбирает путь офицера. Младший, едва достигнув восемнадцати, идет по стопам брата, даёт себе клятву. Оставшись в пустом доме, героиня отказывается от роли пассивной страдальницы. Став волонтером, она помогает десяткам других матерей. Когда приходит страшное известие, она принимает решение, которое меняет всё. Это история о любви, которая сильнее страха, и о вере, способной пробить брешь в любой стене неизвестности.

© Красивская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Красивская

Жди меня там

Глава 1

Утро в июльский день было по-настоящему жарким. Солнце, уже набравшее силу, осторожно заглянуло в комнату через щель между шторами. Тонкий, настойчивый луч разрезал прохладный полумрак, и в его свете началось маленькое представление: тысячи пылинок закружились в хороводе, вспыхивая крошечными светлячками. Они порхали беззаботно и весело, словно не знали, что такое грусть или время.

В отличие от них, Димка знал о времени только то, что вставать еще рано. Он сопел, зарывшись с головой в одеяло, и видел десятый сон. А с кухни, пробиваясь сквозь сонное марево, уже плыли запахи. Мама жарила хлеб с колбасой — любимый завтрак брата, и ванильные оладьи. Их аромат смешивался с солнечным светом, делая утро таким густым и сладким, что, казалось, его можно было попробовать на язык.

- Диман, подъем! — раздалось прямо над ухом, и с него содрали одеяло.

Над кроватью стоял Сашка, лохматый и уже веселый.

- Mamka сказала, кто последний, тот моет посуду, — выдал он скороговоркой и тут же вылетел из комнаты, громко топая.

Димка чертыхнулся, но беззлобно, и, спустив ноги с кровати, нащупал тапки. В приоткрытую дверь было видно, как мама, стоя у плиты, что-то негромко напевала. Солнечный луч, тот самый, что играл с пылинками, теперь ласково скользил по ее волосам, делая ее невероятно красивой и молодой. Димка задержался на мгновение, впитывая эту картинку.

- Mam, доброе утро! Отец где? На дежурство ушёл? - быстро, спросил Димка, засовывая горячую оладушку в рот и запивая её молоком.

— Ушёл, — мать улыбнулась, но в глазах мелькнула знакомая тень. Проводы на службу всегда отдавали горьковатым привкусом, хоть и старались этого не показывать. — Да, сегодня важный и ответственный день, присвоение нового звания, а его поставили в смену. Кому-то ведь нужно и порядок охранять, пока другие лычки получают, — сказала она с лёгкой усмешкой, копируя интонацию мужа.

Хлопнула дверь, и мать, погружённая в свои мысли, вздрогнула от неожиданности.

— Владимир, это ты? — голос её дрогнул.

— Я! — ответил ей муж.

— Что случилось? Почему так рано? — взволнованно спросила Вера. — У тебя же награждение должно быть, да и дежурство сегодня.

— В командировку срочно отправляют. Отказаться нельзя. Приказ! — чётко, по-армейски ответил Владимир, бросая на стул новенькие погоны с блестящими звёздами.

В глазах Веры застыл немой вопрос: «Как? Куда?», но она боялась спросить. В горле слова, словно камень, душили. Слезы сами бежали по зарделым щекам. Вера старалась незаметно для мужа смахивать их рукой.

В воздухе повисло волнение.

Димка, продолжая запихивать в рот вкуснейшую оладушку и запивая молоком, смотрел то на отца, который ходил по квартире и собирал какие-то вещи, то на мать, которая бесконечно пила воду, вздыхала и что-то из еды складывала в пакет.

— Батя, куда отправляют? — нарушил тишину Сашка.

— В Сирию.

— Это где? — с набитым ртом спросил Димка.

— Географию надо учить! — резко и немного грубо, на правах старшего брата, ответил ему Сашка. Но сам при этом побледнел. Он уже знал, что такое Сирия. В школе говорили. Там — война.

Владимир был человеком военным до мозга костей. В нём чувствовалась та самая порода, которую не купишь за звания и не нацепишь вместе с погонами. Сорок лет, высокий, подтянутый, с широкими плечами, которые, казалось, держали на себе не только китель, но и весь этот дом. Короткая стрижка с первой сединой на висках — её Вера особенно любила, называла «инеем». Лицо его было из тех, что называют открытыми: крупные черты, волевой подбородок, но глаза... Глаза у Владимира были не по-военному добрые. Тёмно-карие, с лучиками морщин в уголках, они умели быть строгими на службе, но дома, глядя на жену и сыновей, они становились мягкими, почти беззащитными.

Главным в нём была эта удивительная способность: после того, как он командовал людьми, отдавал приказы, нёс ответственность за чужие жизни, он переступал порог квартиры и становился просто Владимиром — мужем, отцом, который мог забыть купить хлеб, мог возиться с Димкой над сломанным велосипедом и который каждое воскресенье жарил яичницу с помидорами, потому что Вера любила поспать.

Он никогда не рассказывал сыновьям о войне. Не из суеверия, а из какой-то щемящей нежности: зачем им это? Пусть пока остаются детьми. Но когда Сашка заявлял, что пойдёт по его стопам, Владимир хмурился и говорил: «Сначала школу закончи, потом посмотрим». Он знал цену форме и погонам. Знал, какую тяжесть они накладывают на плечи.

— На сколько? — спросила Вера тихо. Она уже не вытирала слёзы. Они текли сами, и она перестала с ними бороться.

— Не знаю, — ответил он, не оборачиваясь. Застегнул сумку, потянулся за погонами, но замер, глядя на них. Новенькие, блестящие. Только сегодня получил. Присвоили полковника. А уже через пару часов улетать.

— Может, не надо? — вырвалось у неё шёпотом. Она сама испугалась этих слов. Военная жена знает: «нельзя» и «приказ» — это не пустые слова.

Владимир резко обернулся. Посмотрел на неё — строго, по-командирски. А потом подошёл, обнял, прижал к себе так крепко, что она почувствовала, как колотится его сердце.

— Надо, Вер. Там ребята наши. Я нужен.

Она кивнула в его плечо. Она всегда это знала.

В комнате повисла тишина. Димка перестал жевать, уставившись в тарелку. Сашка стоял у окна, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

— Пап, — голос старшего сорвался на хрип, — ты вернёшься?

Владимир отстранился от жены, подошёл к сыну. Посмотрел ему прямо в глаза. Положил тяжёлую ладонь на плечо.

— Вернусь, — сказал он твёрдо. — Я всегда возвращаюсь.

Он перевёл взгляд на младшего:

— Дима, ты за мать отвечаешь. Сашка, ты за брата. Ясно?

— Ясно, — ответили оба почти одновременно. Димка — тихо, Сашка — с хрипотцой.

Владимир посмотрел на часы. Пора.

Вера подошла к нему, поправила воротник кителя, хотя он сидел идеально. Привычное движение, которое она делала сотни раз. Протянула пакет:

— Там оладьи. Твои любимые. И термос с чаем. Я только заварила...

Он взял пакет, потом взял её лицо в ладони, поцеловал в лоб, задержавшись на секунду дольше, чем обычно.

— Жди меня, — сказал одними губами.

— Жду, — ответила она.

Он быстро, чтобы не видеть их лица, вышел в коридор. На пороге обернулся. Окинул взглядом эту кухню, солнечный луч, пылинки, всё ещё кружащиеся в нём, троих — своих, родных. Улыбнулся уголком губ:

— Ну, орлы, держитесь там.

Дверь закрылась.

Тишина взорвалась всхлипом Веры. Она уткнулась лицом в Сашкино плечо, плечи её тряслись, но она не издала ни звука. Димка подошёл с другой стороны, обнял, прижался.

Так они и стояли втроём на этой кухне, где ещё пахло оладьями и отцовским одеколоном. Солнечный луч всё так же играл с пылинками, но теперь они казались не весёлыми светлячками, а крошечными осколками того счастья, которое только что ушло вместе с хлопнувшей дверью.

Сашка, стиснув зубы, смотрел на погоны отца, оставленные на стуле. Три звёздочки на новеньком просвете. Он взял их в руки, взвесил на ладони.

«Вернусь, — повторил он про себя слова отца. — Я всегда возвращаюсь».

А потом положил погоны на место. Они будут ждать.

Глава 2

Шли дни.

Вера привыкла жить в ожидании. Это стало её новой реальностью, как дыхание или сердцебиение. Она просыпалась — и первая мысль была о нём. Засыпала — и последняя тоже.

Она привыкла ждать мужа со службы. Раньше, до всего этого, она ждала его каждый вечер — с работы, с дежурства, из командировок. И всегда дожидалась. Всегда. Даже когда он возвращался под утро, даже когда рейс задерживали на сутки, даже когда связь пропадала на неделю.

Он всегда возвращался.

Редкие сообщения, какая-то информация от друзей, знакомых: «жив, всё хорошо» — давали силы. Дышать. Вставать по утрам. Готовить завтрак сыновьям. Смотреть в будущее. Эти короткие фразы были как глотки воды в пустыне — мало, но достаточно, чтобы не умереть.

Молитва Богородице её успокаивала и отводила дурные мысли.

Вера читала «Богородице Дево, радуйся» каждый вечер, иногда по несколько раз подряд, пока слова не начинали течь сами собой, превращаясь в тихий, ровный шёпот. В эти минуты тревога отступала. Она представляла, что её молитва — это ниточка, тонкая, почти невидимая, которая тянется через тысячи километров прямо к нему. И он чувствует. И держится. И вернётся.

Но на сороковой день после его отъезда что-то случилось.

Это был обычный день. Димка ушёл в школу, Сашка — на подготовительные курсы. Вера мыла посуду после завтрака, напевала что-то тихонько, планировала, что купить на ужин.

А потом — удар.

В груди так сильно заныло, так сжалось, что, казалось, эта боль и тяжесть раздавит грудную клетку. Она выронила тарелку — та разлетелась на мелкие осколки, но Вера даже не заметила. Она схватилась за край стола, прижала ладонь к сердцу и замерла.

Там, внутри, что-то оборвалось.

Невидимая ниточка, та самая, которую она тянула молитвами, лопнула. И отпустила. И стало пусто. Холодно. Страшно.

Вера всё поняла.

Не умом — нет, ум цеплялся за логику, за то, что информации пока нет, что может быть всё что угодно, что это просто нервы, просто усталость. Но сердце — оно уже знало. Оно прощало.

Она опустила на стул, сжала руки в замок, прижала их к груди и замерла так на минуту, на две, на десять. Слез не было. Только пустота. И тяжесть. Невыносимая, давящая тяжесть, которая не давала вздохнуть.

Где-то в самом дальнем уголке сердца оставался островок веры, надежды, что ей покажется. Что это не так. Что сердце просто испугалось, а Владимир жив, и завтра придёт сообщение: «Всё хорошо, люблю, целую».

Она вцепилась в этот островок, как утопающий в щепку. И продержалась на нём до утра.

Не спала. Сидела у окна, смотрела на звёзды, шептала: «Господи, сохрани его. Пожалуйста. Только не забирай».

Утро пришло серое, холодное, октябрьское.

Вера ждала звонка. Всё утро. Всё утро она чувствовала, как телефон молчит, и это молчание было тяжелее любого крика.

Звонок раздался после обеда.

— Вера Сергеевна? Вас беспокоят из штаба. Вам необходимо подойти. Когда вам будет удобно?

В голосе — казённая вежливость, за которой угадывалось что-то другое. Сожаление. Неловкость. Страх сказать лишнее по телефону.

— Я сейчас приду, — ответила Вера и положила трубку.

Она надела пальто, завязала платок. Посмотрела на себя в зеркало — бледная, глаза огромные, тёмные круги. Чужая.

«Может, всё обойдётся, — подумала она. — Может, это просто плановая проверка. Или документы подписать. Или...»

Она не договорила. Потому что не верила сама себе.

До штаба было пятнадцать минут пешком. Вера шла и считала шаги. Сто двадцать три, сто двадцать четыре, сто двадцать пять... Ей казалось, что если она будет считать, то не успеет дойти, не услышит того, что ей скажут, и всё останется, как было.

Не осталось.

В штабе её встретил майор — немолодой уже, с усталыми глазами. Провёл в кабинет. Предложил сесть. Долго мялся, подбирая слова.

— Вера Сергеевна... ваш муж, гвардии майор Владимир Сергеевич... при выполнении боевого задания... прикрывая эвакуацию раненых...

Она не слушала слова. Она смотрела на его губы. Они шевелились, произносили что-то про подвиг, про орден, про соблезнования. Но Вера видела только одно — они не говорят «он в госпитале». Они не говорят «он ранен, но жив». Они говорят — в прошедшем времени.

— Погиб, — сказала она вслух. Не вопрос. Утверждение.

Майор замолчал. Кивнул. Отвёл глаза.

— Посмертно представлен к ордену Мужества, — добавил он тихо, словно это могло что-то изменить.

Вера смотрела на него. На бумаги на столе. На портрет президента на стене. На пыльное окно.

— Когда похороны? — спросила она спокойно, чужим, не своим голосом.

— Тело доставят через три дня. Мы всё организуем. Вы не одна.

Она кивнула. Встала.

— Мне нужно домой. К детям.

Она вышла на улицу. Октябрьский ветер ударил в лицо, холодный, колючий. Вера остановилась посреди тротуара, подняла голову к низкому небу.

— За что? — спросила она шёпотом. — За что, Господи?

Небо молчало. Только тучи плыли, серые, тяжёлые.

Она пошла домой. Те же пятнадцать минут. Но теперь каждый шаг был как через силу. Как по дну океана — тяжело, медленно, нечем дышать.

Дома никого не было. Димка ещё в школе, Сашка на курсах.

Вера зашла в спальню. Села на кровать — их кровать — и провела рукой по подушке Владимира. Потом легла, свернулась калачиком, прижала его подушку к груди и зарылась в неё лицом. Пахло им — не одеколоном уже, нет, а чем-то родным, домашним, чем пахнет только самый близкий человек.

И только тогда, в пустой квартире, где никто не видел, она позволила себе закричать.

Она кричала в подушку, глухо, страшно, пока не сорвала голос. Кричала, билась, задыхалась от слёз, от боли, от того, что мир раскололся на «до» и «после», и «после» было чёрным, пустым, бессмысленным.

«Как я теперь? — шептала она между всхлипами. — Как я без тебя? Как я сама? Как я им скажу?»

Им. Сашке и Димке.

Она села, вытерла лицо, посмотрела на себя в зеркало. Из отражения смотрела чужая женщина — красные глаза, распухший нос, седые пряди, которых ещё утром не было.

— Вера, — сказала она себе вслух. — Соберись. Ты им нужна. Ты — их мать. Ты — всё, что у них осталось.

Она встала. Умылась ледяной водой. Заварила крепкий чай. Выпила, обжигаясь, не чувствуя вкуса. Потом села на кухне и стала ждать.

Первым пришёл Димка.

Он влетел в квартиру, как всегда — шумно, с портфелем наперевес, с криком «Мам, я есть хочу!». И замер на пороге, увидев мать.

Она сидела за столом, прямая, бледная, с красными глазами. Перед ней стояла кружка с остывшим чаем, руки сложены на коленях.

— Мам? — голос Димки дрогнул. — Ты чего? Что случилось?

— Садись, Дима, — сказала Вера. Голос её был ровным, но каким-то чужим, неживым. — Подождём Сашу. Вместе поговорим.

— Мам, ты меня пугаешь, — Димка подошёл ближе, заглянул в лицо. — Ты плакала? А где папа? Папа звонил?

Вера молчала. Она не могла сказать это дважды. Лучше один раз — обоим.

Димка не настаивал. Он сел напротив, положил портфель на пол, и они сидели так в тишине, пока не хлопнула входная дверь.

Сашка вошёл, скинул куртку на ходу, что-то спросил про ужин — и тоже замер.

Он был старше. Он понял быстрее.

Взглянул на мать, на её лицо, на руки, на Димку, который сидел белый как мел. И побледнел сам.

— Мам, — сказал он тихо. — Что? С папой что?

— Садитесь оба, — повторила Вера.

Они сели. Сашка — рядом с матерью, Димка — напротив.

Вера глубоко вздохнула. Посмотрела на них — на старшего, такого взрослого уже, на младшего, ещё совсем ребёнка. И сказала:

— Мне сегодня звонили из штаба. Я была там. Ваш отец... — голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Папа погиб, Владимир погиб. Погиб при выполнении боевого задания. Он герой. Он...

Она не договорила.

Димка смотрел на неё, не моргая. В его глазах сначала было непонимание. Потом — ужас. Потом — отрицание.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Неправда. Ты врешь.

— Дима...

— Неправда! — закричал он, вскакивая. — Он обещал вернуться! Он всегда возвращается! Это ошибка, вы всё перепутали! Папа жив!

— Дима, сядь, — голос Сашки был резким, командирским.

Но Димка не слушал. Он выбежал из кухни, хлопнул дверью своей комнаты. Вера слышала, как он там что-то роняет, опрокидывает стул, а потом — тишина. Глухая, давящая.

Сашка не двинулся с места. Сидел, опустив голову, сжав кулаки так, что костяшки побелели.

— Когда похороны? — спросил он тихо.

— Через три дня, — ответила Вера.

— Я поеду.

— Мы все поедём.

Сашка поднял голову. В глазах его стояли слёзы, но он не позволял им пролиться. Он смотрел на мать, и в этом взгляде было что-то взрослое, мужское — то, что появляется у мальчишек, когда детство кончается в один миг.

— Я теперь за него, — сказал он. — Я теперь главный мужчина в доме.

— Ты — мой сын, — ответила Вера. — И ты ни за кого не должен. Ты должен просто жить.

— Я буду жить, — сказал Сашка. — Но я буду защищать вас. Как он.

Он встал, подошёл к матери, обнял её — крепко, по-взрослому. И только тогда, прижавшись лицом к её плечу, позволил себе заплакать. Беззвучно, как мужчина. Сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Вера гладила его по голове, по этим жёстким, коротко стриженным волосам, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

Боль не уходила. Но к ней примешивалось что-то другое. Ярость? Нет. Решимость. Она должна выжить. Ради них. Должна поднять их. Поставить на ноги. Сделать так, чтобы Владимир мог гордиться.

Из-за закрытой двери не доносилось ни звука.

Димка не плакал. Он сидел на полу, обхватив колени, и смотрел на отцовские погоны, которые так и лежали на стуле у кровати. Новенькие, с тремя звёздочками.

Он не верил. Не мог поверить. И не хотел.

«Папа вернётся, — твердил он про себя. — Он обещал. Он всегда возвращается».

Это была не надежда. Это было обещание, которое он дал себе и которое пронесёт через годы. Через боль, через отчаяние, через войну.

— Я найду тебя, папа, — прошептал он в пустоту. — Кем бы ты ни был. Живым или мёртвым. Я найду.

Глава 3

После окончания школы вопрос с поступлением у Сашки даже не возникал.

Политех. Они говорили об этом с отцом ещё год назад — сидели на кухне, пили чай, и Владимир спокойно, без нажима, рассуждал: «Хорошая специальность, сын. Инженеры всегда нужны. И дома будешь, не по гарнизонам мотаться». Сашка тогда кивал, соглашался, даже заявление взял в приёмной комиссии. Владимир улыбался в усы и хлопал его по плечу: «Молодец, Сашок. Умное решение».

А потом отец уехал в ту командировку. И не вернулся.

В политех Сашка не пошёл. Он даже не пересмотрел документы. Он пришёл в приёмную комиссию военного училища в тот самый день, когда принесли похоронку. Ещё не похоронив отца, ещё не высохли слёзы на маминых щеках, ещё Димка ходил белый и молчаливый — Сашка уже сидел в кабинете и писал заявление.

— Ты уверен, парень? — спросил его немолодой подполковник, глядя поверх очков. — Соболезную, знаю о твоём отце. Ты не обязан...

— Уверен, — сказал Сашка. Коротко, как выстрел.

Он не объяснял. Он вообще стал мало говорить в те дни. Слова были лишними.

После смерти отца внутри у Сашки что-то щёлкнуло. Как тумблер. Как предохранитель на гранате. Как только гроб опустили в землю и первые комья сухой земли ударили по крышке — что-то в нём перевернулось навсегда.

«Училище. Военное училище. Как отец», — это было не желанием даже. Это было приказом. Самому себе. От себя.

Он не помнил, чтобы когда-то мечтал об этом. В детстве хотел быть лётчиком, потом пожарным, потом — как все мальчишки — космонавтом. Но армия, карьера военного — это всегда был отец. Это было чужое, взрослое, отдельное. Сашка смотрел на отцовскую форму, на погоны, на орденские планки и знал: это даётся не каждому. Это — призвание.

Или наказание. Он ещё не понял.

А потом отец ушёл. И это — форма, погоны, долг — стало не чужим. Стало единственным родным, что осталось.

Вера не отговаривала.

Она знала: это бесполезно. Сын уже взрослый. Ему семнадцать — скоро восемнадцать. Он сам должен принимать такие решения. Даже если они — ошибка. Даже если они — боль.

Она смотрела на него — высокого, под метр восемьдесят, широкоплечего, с этим отцовским карим взглядом исподлобья, но жёстче, у Владимира в глазах всегда была теплота, даже когда он молчал, у Сашки — лёд, не злой лёд, нет, лёд сосредоточенности, лёд, который плавится только дома, только рядом с матерью и Димкой и то — не всегда, и понимала: спорить нельзя. Спорить — значит потерять его. Спорить — значит сделать из сына врага. А он не враг. Он — её защита. Её опора. Её старший.

Но сердце матери было против.

Оно ныло. Тихо, навязчиво, как забитый маленький щенок, который скулит у закрытой двери и не понимает, почему его не пускают. Оно ныло каждую ночь, когда Вера ворочалась без сна и прислушивалась к тишине. Оно ныло, когда Сашка уходил на тренировки и возвращался с разбитыми костяшками на больших сильных руках от занятий боксом, самбо. Оно ныло, когда она гладила его рубашки и понимала: пройдёт пара месяцев она будет гладить военную форму, как когда-то это делала для мужа..

«Господи, сохрани его, — шептала она в подушку. — Храни его».

Она не говорила это вслух. Никогда. Сашке — тем более. Он бы не понял. Решил бы, что она не верит в него. А она верила. Верила больше, чем в себя. Но вера и тревога — сёстры. Одна не живёт без другой.

После смерти отца Сашка изменился. Не сразу — постепенно, день за днём, как сталь закаляется в огне.

Он был всегда ответственным, даже в детстве. В шесть лет сам завязывал шнурки, в десять — мог остаться за старшего, когда мать уходила в магазин. Но то была детская ответственность, почти игра.

Теперь — другое.

Он стал главой семьи. Не по возрасту. По праву. По силе.

В доме, где нет отца, место мужчины занимает старший сын. И Сашка занял это место без споров, без вопросов. Он не спрашивал разрешения. Он просто делал.

Починить кран? Сашка.

Прибить полку? Сашка.

Поговорить с Димкой, когда тот устроил скандал? Сашка.

Встретить мать из магазина с тяжёлыми сумками? Сашка.

Он перестал жаловаться. Перестал просить. Перестал капризничать, как любой нормальный подросток. В нём словно выключили детство. И включили взрослость — на полную мощность.

Это был обычный вечер. Вера готовила ужин, Димка сидел за уроками. Сашка пришёл с тренировки — мокрый, уставший, разбитые костяшки.

— Опять дрался? — спросила Вера, взглянув на его руки.

— Спаринг, — ответил коротко.

— Помазать надо.

— Сам.

Он ушёл в ванную ровной, уверенной чуть раскачивающейся походкой, военной, хотя он ещё не в армии, обработал садины, перевязал. Вера смотрела ему вслед, и сердце её сжималось. Он не позволяет ей заботиться о себе. Не потому что не любит — потому что считает себя взрослым. Ответственным. Тем, кто заботится, а не о ком заботятся.

— Саш, ты бы поел сначала, — сказала она, когда он вышел.

— Потом. Сделаю уроки с Димкой.

— Димка уже сам может.

— Может. Но я лучше проверю.

Он сел рядом с братом, заглянул в тетрадь.

— Тут не так, — ткнул пальцем в задачу. — Смотри. Вот эта формула. Подставляй сюда.

Димка вздохнул, но спорить не стал. С Сашкой спорить бесполезно. Слова не транжирит. Если говорит — значит, это важно. Сашка жёсткий. Себя не жалеет — других тем более. Может иногда быть резким, особенно с Димкой, когда тот ленится или ноет. «Не ной, — говорит он коротко. — Ты мужчина». Но за брата — порвёт любого. Это не обсуждается.

Вера стояла у плиты, помешивала суп, и смотрела на них. Двое её мужчин. Один — совсем ещё мальчик. Второй — уже почти мужчина. И она чувствовала: тот, кто «почти», уже несёт на плечах больше, чем должен нести в семнадцать.

«Прости меня, Владимир, — подумала она. — Я не уберегла тебя. А теперь он идёт по твоим следам. И я не знаю, как его остановить».

Она знала: никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.